

Electronic Archive
“Project for the Study of Dissidence and Samizdat”
Ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015

Журнал теории и практики «Транспонанс»
Комментированное электронное издание под ред. И. Кукуя
Work in progress

Transcript and layout – Irina Sadovina, Ilja Kujuk

Transcript based on the copy of “Transponans” № 3 (1979)
at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe,
University of Bremen, F. 37

ТРАНСПОНАНС

№3

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ТРАНСПОНАНС» №3

Б. Констриктор. Речь в защиту самого Тебя.....	3
Анна Таршис. Три пьесы.....	5
Сергей Сигей. Стихотворения.....	16
Борис Ванталов. Белая пагода.....	32
Анна Таршис. Схема рассказов.....	35
Анна Таршис. Похоже ли правое на левое.....	36
Анна Таршис. По поводу ленинградской живописи.....	37
Сергей Сигей. Путешествие провинциала.....	43
Анна Таршис. По поводу прозы К. Вагинова.....	59
Анна Таршис. О прозе Офенского.....	61
Анна Таршис. О «Репетиции оркестра» Феллини.....	64

обложка №№ 1-2

С.В.СИГ

обложка № 3

А.ТАРШИС

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ САМОГО СЕБЯ

(Суфийский панегирик или греческая газель)

Бедная, загнанная пишущая машинка!

Ты, подобно Росинанту, ежемгновенно спотыкаясь на всех своих сорока ножках, уносишь нас в третье тысячелетие, которым всё чаще начинают грезить пустынножители кошмарного двадцатого века. Ты, дрожа всеми своими членами, жалобно позвякивая зуммером и скрежеща кареткой, пытаешься обогнать кисельное время...

Нищая падчерица технократической эры, я люблю тебя за твою страстную и неутомимую знаковую душу!

На твоём тернистом пути стоят громадные ветряные мельницы типографий. Однако доблестные рыцари слова не променяют верного, хоть и дряхлого, конягу на молодого не стреноженного коня.

Они покоряют новые литературные пространства, отправляясь на своём истощенном одре, вслед за Кольриджем и Кручёных, в ту часть света, откуда еще ни единый

путник...

Так уж, видно, там хорошо!

Поэтому, воздавая должное Росинанту и крестоносцам
живого Слова, воскликнем вместе с ними:

ДА ГРЯДЕТ!

Б. Констриктор,

июнь

1979

Анна Таршис

СТАРЦЫ

*(Пьеса-эмансипе,
с феноменами)*

1977–1979

Действ. лица.

Старцы:

И ПОСТАСИЙ
ПРИВИЛЕГИЙ
ЖЕСТОКИЙ
НЕВЕРОЯТИЙ
ЩЕКОТАЦИЙ
ОБОИМ
УГНЕТАЦИЙ
ЗЛОСЛОВИЙ

Феномены:

ЦЕНТРОЦЕФАЛ
ЦЕНОЦЕФАЛ
РОКОТОФАЛЛ

Жёны:

НЕОСТАНОВИМА
КОСОЛАППА

Молодцы:

ТЕМПЕРАМЕЙ
ИТОЛЬК
СВЯТОТАТ
РОМАН ПРОТИВОРЕЧИЙ – святой
ЦИЦ ИЕРОН

БОЖИДЕТТИ
и
МУЖИКАО } хор

ОСЯ ЖЕЛАНИЙ – младенец.

ПРОЛОГ

Старцы И П О С Т А С И И сидят на вёдрах около большого муравейника.

Ж Е С Т О К И Й : Гм...

Н Е В Е Р О Я Т И Й : Хм...

Щ Е К О Т А Ц И Й : Цыц!

У Г Н Е Т А Ц И Й (к *Выразиму*) : Мм...

О Б О И М : Хо-хо!

З Л О С Л О В И Й : Нн.

П Р И В И Л Е Г И Й : Уфс

(Медленно появляется и входит в их круг
Ц и ц И е р о н .)

Ц и ц И е р о н : Знь!

(Из муравейника появляются феномены:)

Ц Е Н Т Р О Ц Е Ф А Л корчит страшные рожи.

Ц Е Н О Ц Е Ф А Л Л усыпан цифрами.

Р О К О Т О Ф А Л Л бормочет неприличное и короткое.

Вопли за сценой.

Старцы вздрагивают и оборачиваются.

Идут старухи.

НЕОСТАНОВИМА : Кха! Кха!

КОСОЛАППА : Ую! Уйю!

(Старцы сгрудились в контингент и медленно,
покашливая, отступают за муравейник.

На сцене жёны и феномены.

Любые мизансцены.)

1 АКТ

Балет молодых.

ТЕМПЕРАМЕЙ и ИТОЛЬК, в пачках и на пуантах,
но при сабле и стрижке – скользят, поочерёдно изображая
дам.

В глубине выстраивается хор.

БОЖИДЕТТИ и МУЖИКАО (*поют*): А-а-а-а... Бэ-
э-э-э... Вэ-э-э-э...

(Из оркестра вылазит на сцену наёмный СВЯТОТАТ.)

С В Я Т О Т А Т : Э-э-э-эй!

(Феномены окружают его, лапают, пищат.)

К О С О Л А П П А (*машет хору, чтобы затихли, те поют тише до конца алфавита*): Уйю!

Н Е О С Т А Н О В И М А : Кха, кхакар.

(Вновь появляются старцы, окружая собой младенца – О С Ю .)

О С Я Ж Е Л А Н И Й : Ай!

Ц И Ц И Е Р О Н : Дай.

(Старцы кивают, берут каждый горсть земли и посыпают младенца. Младенец отбивается.)

Т Е М П Е Р А М Е Й и И Т О Л Ь К вытягивают его из земли, надевают пачку, танцуют втроем.

Хор продолжает петь, старцы недовольно гудят, жёны дёргаются, как марионетки, под напором феноменов.

С В Я Т О Т А Т берёт в зубы горн, трубит. Появляется святой П Р О Т И В О Р Е Ч И Й .

Р О М А Н П Р О Т И В О Р Е Ч И Й (в облике деда Мороза, с мешком за спиной. Ставит мешок на землю, вытаскивает трактор, заводит, пускает бегать по сцене. Хохоchet.

Хохот, оживление.)

О с я Ж е л а н и й : Дай!

Б о ж и д е т т и и М у ж и к а о : Сэ-сэ-сэ-сэ-сэ-сэ...

(П р о т и в о р е ч и й прячет феноменов в мешок, сажает
О с ю на муравейник, а трактор подвешивает к потолку.

Все плачут. Жёны катаются по земле. Старцы сели на
вёдра вокруг муравейника, утирают слёзы.

Молодые, соревнуясь, пытаются подпрыгнуть до игрушки.

Старцы смотрят на них, как в телевизор.)

У г н е т а ц и й : Мм...

Щ е к о т а ц и й : Цыц!

(Занавес резиновый.)

ЭПИЛОГ

Бешеная драка молодцев.

Результат – части разломанного трактора у каждого в ру-
ках.

Т е м п е р а м е й : Золото!

И т о л ь к : Долото!

С В Я Т О Т А Т : Болото!

(Гуськом приближаются старцы, в ведре несут сено,
сверху – О с ю .)

О с я : Бай!

Ж Е С Т О К И Й (*Неостановиме*): Лай!

СФЕРИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ЗРИТЕЛЬ И ВЕЧНО

Над всей лентой сцены висят шары, к ним привязаны толстые провисающие до полу канаты, которыми они соединены друг с другом через весь зрительный зал. Таким образом, зрители усаживаются между шевелящимися канатами.

Режиссирование пьесы состоит во вращении шаров, что создаёт опутывание зрителей канатами. Зрители после первого неудобства и смеха, возможно, будут стараться освободиться и даже уйти из зала, т.е. будут актёрами. (Актёром в данном случае является и декорация).

При выходе-побеге из зала первого из зрителей – звук выстрела и т.д. Ибо это выход из жизни, т.е. самоубийство.

В пьесе есть ведущий. Вся лента сцены свободна от канатов, ибо они высоко над ней. И вот, по ленте медленно идёт голый наиг-

рывающий скрипач. Играет музыку высокого содержания, выбранную режиссёром того времени, когда будет поставлена пьеса. Сами шары могут быть всячески механизированы, раскрываться в виде цветов и т.д., показывать всякие чудеса, развлекать, одним словом; (могут взрываться подобно фейерверкам, создавая ДВИЖЕНИЕ ЗРИТЕЛЬСКИХ МАСС И ЕЩЁ БОЛЕЕ ЗАПУТЫВАЯ ИХ.)

Окончание спектакля: полная темнота, канаты отделяются от шаров и падают в зал (распались связи миров) освобождённые от пут зрители с большим трудом, в темноте, под звуки скрипки и вспыхивание фейерверков покидают зал.

Можно расставить на зрительской арене столики с фруктами и оные же подвесить в пространстве, пусть падают груши сверху.

Пусть зрители едят.

Анна Таршиц 1977

МИГМАЛИОН

(пьеса со стихом)

Действующая обстановка: магма, центр земли.

1

Языки пламени, языки животных, тела костей, мешанина, температура. По сцене ходит больной Мигмалион. Слоняется, как слон. На нём хитон, бусы, бельё, котурны, на шее погребальный венок, в руке цветок, на руке дитя, у пояса – кошка. Магма пыхтит.

ДЕЙСТВИЯ МИГМАЛИОНА:

Он ходит, плетётся, прыгает, щипается, дышит, вздрагивает, щекочет дитя, хохочет, удивляется, падает, стремится внутрь себя, он изнемогает.

Вопли дитя, кошки, общая средняя высокая температура.

Дрожит под потолком сетка от насекомых. Никакого напоминания ни о чём, никого на сце-

не, кроме никого.

2

Магма ближе к потолку и авансцене, под нею – чёрная дыра. Мигмалион плывёт по тьме, плывёт его ум, вздохи, кошки, движения, холод внизу, пламя вверху, сцена усыпана бронтозавами, бронзой, золочёными японцами, цепочками реакций, синхрофазотронами и просто тронами.

Весёлая тьма. Мигмалион бездеятелен. Он плывёт, куда дует не дующий ветер, свирепо свистит паровоз, пролетает самолёт, бронтозавры дожёвывают птиц.

3

ФИНАЛ

Мигмалион поднимает хитон, обнажая смокинг. В руке у него – древесный лист со стихом. Читает стих. Содержание изложено выше, форма сосуда.

22.11.75 г.

сергей сигей

ЛЮБЕЗДНА

ПОСВЯЩЕНИЕ

ещо букет страниц –
в нем странный ниц
тебя молю:

тебя люблю.

я неглич северукный
усталый и печалюкный
мне углич токный
а тебе мой гимнель
к тебе любофь и жардуш
и гуп сухой воробыш

1970

он мил он ый он яр он кий
и веее вент
ветф плацца
плюшшшшш

1970

цэлубна цэлунна
губы хлябит изюмрот
она ресничит грудью холм
она лисичит ухом ум
и бешит ро
аль рвёт царло
башен бро

1972

1

я не любетен
словно незаметен
слон стебля
словно тля
я тебя

2

дианна жэственно ступила
дианна жэственно красива
не ты щасливица цветлени
вы счастливна цвететени
озарённа небесой
вечёрственно боса
ей лизнуть тебе бы бабы грудь
там растебе дэ садануть
ах, виды дани пред лежаньем
ах, до свиданья, предложенье!

ты
черты
сотри те
смотри те
дама
пиф
пава
пух
мава
аблетела галавы рука
абнажэна

1970

ВАНЬКЕ ЛЮБТОСКИНОЙ

ухом тывы вы ушкавица
глазом вымыты окавица
вы за поясом сом глазавицам
ой – ли грудень грудесонночь
ресницарица – царицаплица
власоморя паромысло
ланица

1972

небо боли бело
моренцесса
звёзды были точны
моресницы блечны
пелечаменны каменны
зеноцаль цуледь
лузнич

1967–1969–1971

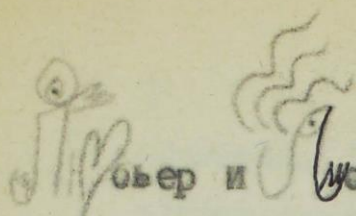
ЭГУБИКА – Б – ВЫБЛИХИ

1

сиську –
жраполюбь
жрёб –
выблехал:
хохочахаль
кокаться
задизнуть взрой сисястр
пись на стенуалетах –

2

обнажарь
обнажабры
моцелуй
со вершин
титек утёк
сосц вызц плюж

Робер и Шцелинда

люби были бинда

Дни пошли лунда

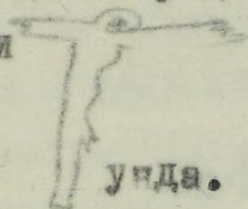
люли - любил - инда

Робер и Шцелинда

исты рыбинда

Дни видали лунда

рыбрами

унда.

1975.

СЛОВЕСНЯ ЛЮБОРДОРОРА

любовь – говнь

любысли всегда громоздно вонючны
ведь короведьма ровная кормится блюдами
это тократно словесно Аристейя стайя
всегда любцарь публиказь
любык влагается присутки
сутствующ напозда любойне
убзр вракма людябля
испытав выпитав любрелесть

1972

1

любелия, тебя любинц
убинц не могоинц
или лелелий губинц
инц дрынц

2

ты ты тыквара
не в соль ли любары
раскры глазры
преорурары
ты тыфуразница ли ты
ночары

ева аханарк
фараона чод
гуляя возле арезо
гуляя возле чад
взглядом кожи аднокоджд
хо! ты стрела елисетнеп

1

СЛОГНЁНОК 17

люби коль любишь
кол любви лю
бицами тешь

рыбедна желаний лунизменных
любедна желанных рыбелей
людулю грустонную кажет мне
камня разменную рыбицу
состукнутых рыбер лунеба
звездулю мне в серцэ рыбелое

1975

о ахи вздохи и стонахи
мы припёрлися к чэрте любета
о моя жэночь моя аданна
возвернём жэ нашы раны
вспять прохляем и сладанцы
и апять обуем в манцы
нашу ссоркую любренность

1974

БЕЛАЯ ПАГОДА

Проза зверина бела и колокольна.

Анна Таршис

Поэтому тот, кто постиг да
не меняет природного на человеческое.

«Хуайнаньцзы»

Один гад, по фамилии Каин, построил Город. Там меня родили на убой истории общественной мысли. Ваня Жуков с компанией девятилетних кровавых мальчиков обглодал селёдку дочиста. Теперь и я ее рисую тысячу и одну ночь. Вольтеровское кресло около Невы. Я сижу, как Харон или Хармс, наедине со Стиксом и стихами. Вокруг бродит Хам. Прямо ногами по стихам. Это не город, а Бедлам. И я собираю цитаты о рвоте и кале. Па – де – Кале. Дичь. Куропатке Кропоткина раскровянили сопатку. Кали – Юга. Кальпа из под скальпа халата самосознания. Да, я первым (или последним) сказал, что т а м ничего нет. И никогда не было. Меня (или нас, или их) обрили наголо в городе на берегу Днепра. Кий не любит, когда хлебниковские небоскрёбы

слишком скребутся о синий купол. Я вырос до размера инфузории. Подарил авторское я черепахам и междометиямагометанам. Стал самописцем Нестором. Летопись эпистолярного жанра. Мемуары. Му-му. Почему? Мы всего боимся: собственного невежества, тела, истории, мужиков из пивных дворцов, передовиц и половых от филологии. Но у нас есть преимущество, ибо мы любим С л о в о . И слово любит безумных от ума марионеток. Верёвочки! ими дорожу больше жизни. Эти нити, что простираются в ослепительное Ничто б е л о й п а г о д ы .

Белая пагода смерти
нас увенчает цветами
теми которыми нет
шелестом жёлтых извилин
плавности полночь звенит
Белая пагода смерти

Мы уникальны, как заповедник, или Веды, или вода. Мы приняли звук за содержание, а содержание сделали звуком. Опрокинулись жёсткие схемы Эвклида, возникли н о в ы е с у щ н о с т и . Им ещё нет имени, они не ведают своего имени. Но вот же они! Слышите музыку букв,

видите новые танцы пространств. И ненужная коробка рас-
судка лежит на дне комода Коробочки. Слово создало мир,
оно породило горы с облаками, пальцы и человекообразные
автомобили. Мы забыли своё отечество, но не навечно,
труба архангела – вот что такое XX столетие. Они огляну-
лись на Отчий Дом, ночь...

Дыхание прервалось. Родился новый абзац. И заяц. И це-
зарь перешёл рыбоконь. На заре ты её не буди, трубадур.
Белая бао-та возникла сама собой по чьей-то нашей воле, и
я (это чудовищное я) сразу поняло: это есть то.

Белая пагода смерти
корни цветения слов
мы ощущаем как дети
просто за птицами вслед
Белая пагода смерти

Пусть Ванька Каин построил город, первый город мира.
У нас есть Слово. Пустынножители Дао, вот лист чистой
бумаги, он перед вами, ну что же вы? Заходите! Двери белой
пагоды открыты для всех ничто.

май 1979

СХЕМА РАССКАЗОВ

№ мысли	МУЖЧИНЫ				№	ЖЕНЩИНЫ			
	Николай	Алексей	Федор	Петр		Анна	Мария	Татьяна	Лариса
1	Давай закурим	Давай	Дай	И мне		Он меня обожает	И меня	И меня	И меня
	Еще по одной	Давай	Свои	Хватит		Я так его люблю	И я	И я	Я тоже
3	Выпьем	Что выпьем?	Где?	Мне хватит		Он мне надоел	Почему	Почему	Мне тоже

ПОХОЖЕ ДИ ПРАВОЕ НА ЛЕВОЕ?

Безусловно, похоже. Чем более различается – тем более похоже. Поэтому, чтобы создать хоть в какой-то мере полный, соотносимый с самим собой портрет человека, я, прежде всего, чётко разграничиваю его на правую и левую части, т.е. стараюсь подчеркнуть дуализм природы человеческой, только тогда он будет похож на себя, ибо включит в себя и реальную, и абстрактную половину.

Я стараюсь принципиально разными приёмами написать каждую часть. И одновременно не упускаю из вида то немаловажное обстоятельство, что картину-то я пишу одну. Вот и всё.

ПО ПОВОДУ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЖИВОПИСИ

Катапультируясь из
своей чудесной провин-
ции

в город Ленинград, мы с головой окунулись в различные выставки, официальные и неофициальные, и были потрясены удивительным фактом: официальные выставки оказались много интереснее. Сознывая, что мы видели не всё и не всех (не в наших то было возможностях), попытаемся всё-таки сравнить и оценить то, что видели. Видели в Манеже выставку Честнякова. Чудесная дилетантская выставка, прекрасные картины, рассчитанные на далёкое, так же как и на близкое рассматривание (излюбленный принцип дилетантов) к сожалению, могли быть рассматриваемы мы только вблизи, ибо были помещены тесно, я бы сказала, в непригодном для живописи помещении, на огромных же

и светлых стенах этого же Манежа были бордюриком кспонированы плакаты, которым место было бы как раз на щитах и стенах. А картинам бы Честнякова – простор! Воздух! Расстояние. Прекрасные, плохо написанные картины большого художника. Оригинального. Очень, кстати, русского, что не так уж часто среди русских художников. Художник почти без реминисценций.

Вторая официальная выставка, и где – в Русском музее! В этой помойной яме живописи, напиханной до отказа глобальными рамами.

Выставка художника Древина. Опять прекрасная выставка. Совсем не посещаемая, что очень некстати. Прекрасный, рано убитый художник, к

сожалению, мало известен «широким кругам». Художник со своим цветом и мазком, даже со своей формой. Очень чувствуется, что не хватало ему условий для совершенствования своих приёмов.

Художника совершенствует
публика. А оной-то у нас и не
нет. Самому держать себя на
высоте, конечно, можно. Но

слишком много сил уходит именно на это, а не на писание картин. Ветер, повторяю, должна создавать публика (хотя бы самая близкая), чтобы художник мог поднять свой девятый вал.

К сожалению, это всё, что мы смогли увидеть из официального. (Выставка итальянцев из Америки слишком мала по количеству и слишком стандартна. Всё это нам уже знакомо и привычно. Мне лично очень понравилась картина Беллини.)

Итак, теперь о частных выставках. Прежде всего я увидела картины художника Маслова, с которым была знакома ещё в ту пору, когда он только увлёкся живописью. За десяток

лет художник этот много-
го достиг, в том числе и
какой-то степени профес-
сионализма в живописи и
гравюре, однако содержание

его картин осталось почти
на прежнем уровне. Слишком
явные реминисценции из Ван
Гога, Мане и кучи других.

Его бледноголубые, псевдоимпрессионистические «медитации» в анемичном «ленинградском» стиле ничего не вызывают в душе кроме удивления – зачем так много одинаковых картин, на одну и ту же тему? Ведь настоящий художник в каждой картине мыслит по-новому, старается, по крайней мере, поискать это новое. Гравюры художника, виденные мною, правда, в ограниченном кол-ве, понравились мне больше – тоже под Ван Гога, но с большей искренностью. В целом же всё это бессмысленно и бесконечно отстало. При всём моём уважении к Маслову-человеку, больше пока про него написать нечего.

Видела абсолютно пустые работы Л. Богданова, абстрактные. Многие нынешние художники занимаются абстракцией, как индальгенцией от застоя и неспособности к движению.

Покой таких «абстрактных» картин удивителен. (кстати, занятия литературой данного художника немногим лучше).

Видела картину Стерлигова и картины и рисунки стерлиговцев. Про картину Стерлигова трудно что-нибудь сказать, я люблю смотреть несколько картин художника, чтобы понять его, делая ссылку на неудачи. Картина Стерлигова в мастерской Глебовой показалась мне интересной, продуманной, красивой, но – не картиной ещё. Скорее – этюдом. Поиск без чётко найденного решения.

Картины стерлиговцев были почти сплошь, за исключением, кажется, двух портретов – абстрактны. Я бы сказала – грустно-абстрактны. Ничего от абстракции, понимаемой как чистая

деятельность мозга – не было. Была холостая деятельность мозга. Перепевы давным-давно найденного други-

ми и уж ленинградцам, я
думаю, известного. Скучно, бес-
сильно и анемично – безукориз-
ненно выложенные на
холст краски, чистенько сработанные графически-абстракт-
ные формы. Ни одного поворота мысли! В том числе и у
уважаемой Татьяны Николаевны!

Не то позор, что картины все, как одна, слабые, позорно
то, что никто им этого не говорит и что они сами этого не
видят. Живя в Ленинграде!

Вот и все выставки, увиденные мной. Висящие по квар-
тирам отдельные разрозненные картины различных худож-
ников не вызвали у меня интереса. Думаю, что художники
в Ленинграде есть. Просто не сразу до них докопаться. Не
простое, это, видимо, дело.

Анна Таршиц
Лето 1979 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОВИНЦИАЛА В ЛЕНИНГРАД, А ПОТОМ, М.Б., В МОСКВУ

(метатекстоз и переписьмо из А.Н.Радищева)

А.М.К.,
драгоценному другу

Я взглянул окрест живописи – душа моя страданиями поэзии уязвлена стала. Обратился к себе самому – и узрел, что бедствия творчества в наши дни происходят оттого, что не говорят правды художники друг другу. Неужели искусство существует как повод для светских раутов, а не для движений мысли его? Для купли-продажи, а не для самодовления сущь? Для причастности создателей его к сонму избранных, для игры в искусство аки в старческий преферанс?

4. БЕЗЛЮБЕЗДНА

Нет не зимою я ехал, а именно что летом. Хотя, м.б., зима это и есть лето, но размышлѣж подобную можно оставить другим писателям бумаги, у нескольких это получше блеще. Ехал я теплоходом в начале пути и повстречал во судне означенном неких короткостриженных, хотя и молодых, людей, вооруженных этюдниками бысть. Посмотрел я на часы. – Утра было некое время. Вовсе не праздником эта встреча в памяти осталась: этюдники их, поворачиваемые с великим тщанием, были оклеены переводными картинками. И я подумал: - И вы

смеете носить сие священное художника имя!?! Несчастные... Слезы не потекли из глаз моих, но кибитка моей души уже опережала железнодорожные клячи, увлекая в «Петербург – Петербург – Ленинград».

6. СТЕРЛИГОВСКАЯ ПОВЕСТЬ

Мне представилось, что я Холст, Эскиз, Этюд, Картина, Рисунок, Подрамник, или какое-то сих названий нечто, установленное во власти на мольберте. Место моего восчертания было самое видное, освещено лучезарно. Ничто сравниться не могло с блеском моей поверхности. Подножие Мольберта моего украшено было засохшими цветами словно коленцем лавровым. Вокруг меня висели знаки власть мою изъявляющие... Робко и подобострастно отраженный от меня свет ловящи стояли вокруг Мольберта моего чины интеллектуальные... Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание... Обращенный сам в себя я чул глубоко вскоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего быстро однообразия происходящую. Вот начали все восклицать: Да здравствует наш великий учитель, да здравствует навеки! иной вполголоса говорил: он усмирил внешних и внутренних знатоков, расширил наши представления о живописи, покорила тысячи оттенков своей палитры. Другой восклицал: он обогатил собой искусство, расширил внешние его границы и внутреннюю его сущность. Юношество с восторгом подражая мне рекло: законы его письма равны и обязательны для всех, он живописец мудрый, исполнявший живопись ревностно и т.д. Тут явиться в пору той старомодной Прямовзоре, кою для удобна назв мы Истиной. Тень Стерлигова, лишись белым савана, возстань, воззри и виждь. Все намеренья Твои, Художник, представятся днесь в естественном

их виде. Чуждый надеждам мзды, чуждый рабского трепета, был Ты честен, но – этого мало художнику. И всяк, порицающий тебя, оставляет внеприкосновенности Прекрасную Правду твоей Легенды (про бомбу в Твою мастерскую во время войны, а сам Ты был в лагере и, вернувшись, начал свою живопись с начала, восстановив погибшее), ибо всяк всего лишь странник в вечном пейзаже живописи, и костыль легенды ему не помощь. Легендой не прибавить Твоему Холсту на Мольберте в Лаврах славы – силы, легендой не отнять его робость и попытку: в чем же попытка Твоя? – Экспонировать во единой картине Два разновременных пласта – пласт вечного, застывшего (вот отчего вам, чувствительные, намек дан в картине этой на мадонну, «мать и дитя», икону, Леонардо и проч. и прочь!) – и пласт бесконечного (разработка фона, кой наивное представление есмь о космосе «граненом»). Попытка сия одобряшна бы пристально, если б не попыткой была, а пыткой: в одной картине сумма всей культуры (и новая и старая живопись в содвиге). Потому и пытка бы, что робость не пристала тому, кто утверждает изобретение, а не подтверждает Приобретение. А, ведь, были терновые концы свойственны Твоей кисти!.. Любитель живописи, если читая переписанный сон мой, ты переменишь свой мняж о достоинствах сего Художника, ведай, что правда гнушается чертогов мысли твоей.

9. СТЕРЛИГОВЦЫ

Да, нужна гора, на коей узреть должны мы Храм живописи Славных Прорицаний. Увы нынешнему Дню, когда Храм Стерлигова заменен маленькой церковкой. Смертные ученики Т.Н.Глебовой и В.В.Стерлигова в заблуждении своем пытаются в песнопениях во славу тебя, живопись, покрыть славные имена из-

обретателей бледноголубенькой или желтенькой кисеи анемичных барышень живописанья. Изящность бессильная их творений чужда энергии, выкрику, мастодонтности первого творения дня. Живопись – это религия, а только верующий способен быть пашет кистью аки топором, и не обухом, а лезвием по мысли материала. Сойди, Живопись, и воцарися в них. И пребудут, быть могль, хоть несколько мгновений низшед во внутренность своей мысли Принципиальных Открытий глубоко.

10. КРЕСТ Т.Н. ГЛЕБОВОЙ

Как надобен иногда бикфордов шнур для искры истинного искусства! Но, ведь, и искра может нетленно не тлеть. Святая женщина удаляла вес от убийственной пищи уму и питья ему. Только труды ваши и были приправой в обеде нашем, никогда не искали вы дороги к собственному домику мысли, следуя и обычаю и моде, и стоите, как телу вашему удобно – на одноместе. Явно не учили вас скакать скоморохами, науча в живописи истинному услаждению токмо чувств. Искусство и сие пребывает в вас мертво, доколе собственная сохранность учителей того требует. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать.

11. ЯДРЕНЬИЙ ЛАПОТЬ

Живопись, господствовавшая всю жизнь надо мной, но уже преобойденная по обыкшему стремлению направила стопы мои на выставку официальную – а я-то причём? что только там и можно было узреть толпу сельских картин Честнякова. Толпа сия состояла более нежели из десятка холстов Все они были писаны печально, но празднично глядели, рисунки голые, швы наруже, мазок веселый, прямодушие на холстах начертанное. Живопись, как всякая, за-

грубевшая от нужды существования, да без покрова хитрости. Много такой живописи есть в разных углах России, м.б., самая лучшая та, что от простоты душевной – чистой кисти. Захотелось искать тех художников, которые таковыми себя не числят. Единое дыхание коих не всякому столичному мастеру легко. Ибо слишком часто на холстах тщеславие, на сердце тщеславие, на мысли тщеславие, на искренности... подражажа. Скажите вы мне по совести, многие ли стоят звания художника? Многие ли способны вернуть живописи первенствующее в искусствах положение, вернуть сегодня, когда энвироументы осуществляют даже в Москве? Но может ли быть такой живописи плод, ежели нет благодетельного вождения мысли?

12. ПАМЯТИ ИЛ.

Спускаясь по лестнице с ежегодной выставки художников, о коих жестокая велась мной речь, подобрал я в памяти своей листок, кой сам же и настроахо 12 тому лет прежде:

«Я со стены письма Филонова

Смотрю, как конь усталый, до конца», –

писал Хлебников... Я видел картины художника висящими на стенах среди огромнолистных фикусов, дивана, кресел, подушки с белой странной собакой, я брал большую лампу и разгонял ярким светом мрак мерцающей живописи. На маленьком листике бумаги в задумчивом хороводе несутся едва заметные коричневые всадники, они скачут в круг и кругами возле загадочной крепости и высокого рыцаря в темном, отрешенном вихре формул мысленных условий (1913); эскиз «Пира королей» акварелью рисует тупых обжор и рыбные кости, чуть напоминает это – обжорство правителей и сонливость мыслителей; «Переселенцы» (1918) – картина немного эклектичная, очень обидно видеть фигуру богоматери с младенцем написанной в манере скв-

ерного Петрова-Водкина, зато восхитительный пейзаж со львами и равниной, похожей на поверхность бриллианта своим сиянием тонко выписанных узоров, гениальная фигура мрачного в своем предчувствии трагедии Иосифа, небывалый в живописи «до» краснокрасочный, татуированный (и словно содрали кожу) индеец – сама загадка – так тонко и изящно соединены великим вкусом, что картина нравится тем больше, чем больше смотришь на нее и радуешься. Вообще, многие картины Филонова представляются бриллиантами или рубинами, если они написаны в голубоватом или красном тоне. Тщательность отделки – шлифовки поражает, но не убивает главной мысли – цели, так природа когда-то отшлифовала кровеносные сосуды в теле человека и наполнила их величию человеческого существа. Некоторые картины-рубины вызывают воспоминание об анатомическом атласе: с головы содрали аккуратно кожу и она расплылась в точном ритме пульсирующей крови, а палец выпустил шлифованный ноготь («Голова и палец», 1925). Манера письма ювелирна, а фигуры иногда кажутся чересчур плотными, широкими, короткими, руки грубой формы – след тенденций 20-30-х г.г. (увлечение: лубок) и не совсем успешного усвоения «крестьянского танца» Брейгеля. Филонов единственный в живописи 20-х годов обратился к метафизике средневековых художников, поняв их весьма своеобразно, выделив загадочный смысл происходящего. Цветы, устилающие фон в шпалерах и картинах 14-15 вв., превратились у художника в тончайшие писанные узоры; фигуры в шпалерах, четко стоящие в растительности, у него растворились в ней, смешались, переплелись. Персидские миниатюры тоже можно угадать в его живописи, которая рождает смутное чувство тревоги необыкновенной красотой цвета. Близок Филонов иногда и Кандинскому. Николай Бурлюк еще в 1913 году отмечает роль литературы в живописи Филонова, называет Эдгара По и Э.Т.А.Гофмана – «завершитель психологического интимизма», – говорит он, ошибаясь, это завершить нельзя, как нельзя стать

последним живописцем. Никакие недостатки картин художника не мешают восхищаться его безграничным вкусом, великим мастерством (хоть оно и делает иногда его картины похожими на репродукции) и совершенной гениальностью в изображении животных, а они у него всегда значительнее людей, что и составляет тайну многих работ Филонова. Особенно меня поразил удивительный, нежный и молящий белый зверь в «Переселенцах», о нем можно рассказывать настоящими стихами. Картины Филонова представляются мне и сегодня растущими, колышущими, перевоплощающимися, аки изображенное в них, аки дышащее, что и довелось увидеть мне во время посещения квартиры любезной Е.Н.Глебовой, сестры художника.

Евдокия Николаевна, прощаясь тогда, сказала: Филонов – ленинградский миф. Мифология наших дней уж так разсловарилась! Г.М.Неменова, вот например, – ученица Ларионова (Париж, 30-е г.г.) – щастие которой зависит совсем от нее, рисует литографским карандашом без всяких претензий, ненавязчиво и несобранно – изысканно: соединение текста и рисунка как в книжках футур – ларионова, но утонченнее, перистее, отвлеченнее. Одной литографии назв быхость тако: «Куриная голова вообще ровно ничего не значит». Автор ее, похоже, следует непритязательности подлинного пути, который значит много.

13. ДВЕРЬ

Стихотворство у нас, – говорил я себе, – в разных смыслах как существует оно, далеко еще отстоит величия. Поэзию было пробудили футурусски, но ныне паки дремлет. Хлебников, уразумев смешное в литературном одеянии наших стихов, снял с них несродное им полупоэтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, он не сумел надеть на последователей своих узду великого примера и многие от него и доселе отшатываются. По счастью случилось, что Кручных в то же время был; и был он от-

менный стихотворец. Он употреблял стихи и по примеру Хлебникова и все-таки ныне воображают все, что стихи еще можно писать ямбами или другой стариной, а не теми зауми безритмами, какими писали оба сии знаменитые мужа. Хотя оба сии стихотворяги преподали правила другой поэзии, а Крученных корнешупил во всех направлениях, но для примера этого мало стало и подражания ни от кого они не заслужили. Если вы Хлебников кроме своего вольного размера почаще пел заумно, или если бы Крученных в своих фонетических романах был бы менее интонационен, то и Гнедов, м.б., понял, что можно еще писать стихи, а не токмо одно молчание, и более бы славы приобрел в 90-летию своем скором, сочиняя бы и по сей день в несвойственном эпохе стиле. Но не один Хлебников и Крученных освободили российское стихосложение. Неутомимый позовик Терентьев немало тому способствовал своими 17 ерундовыми орудиями. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры и в доброй и худой поэзии глубокий пустили корень. Парнас окружен социамбами и рифмы везде стоят на карауле. Кто бы ни задумал писать заумно, тому тотчас могут и Туфанова приставить дядькою и прекраснейшее дитя долго будет казаться уродом, хотя и после Туфанова родились Введенский, Хармс или Бахтерев. Теперь пора и Туфанова вырыть из могилы; в «Ушкунниках» немало найдется добрых стихов и будут еще в пример поставляемы. Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко мыслесловию. Слышав долгое время мыслегласное в стихах начинание, безмыслие все еще кажется грубо, невнятно и нестройно. Таково оно и будет, доколе пушкинский язык будет больше собственных в России в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо или криво, по

произволению. Сверх же того в стихотворении может господствовать разум, и если он хоть несколько имеет в себе естественного, то принят будет без прекословия. Но все разумное в стихотворстве (не то что в живописи) мгновенно. Блеск разумный может заржаветь, но поэтическая красота не поблекнет никогда. Велимир, Крученных, Гнедов, Терентьев, Зданевич, Туфанов, Введенский, Хармс и многие другие читаны будут, доколе не истребится род поэтический. В Ленинграде заразительному следуют примеру разума и сочиняют стихи, которые, правда, не хотят оные печатать по двум причинам: смысл стихов не всегда сопрягаем с мыслью (поэзия противостоит разуму), другая, что стихи как предмет не свойственны нашей земле. Долго еще не изласкаемся мы изданием всех поэтов живущих в свет, но и умерших не торопятся печатать. Вот некоторые строки Леонида Аронсона, кои кстати будь здесь, бо и о живописи велась речь. Обращены сии стихи к художнику, коего многие считают великим (что это не таково для Истины, уж ясно будет всем кто просмотрел хотя бы требования к другим мастерам, ею предьявленные):

1. Михнов, что худо ль, хорошо
живет, как будто после смерти,
стал раньше времени душой,
и навещают душу черти.
Засмертный друг мой, друг святой,
непосещаемая Мекка,
благодарю судьбу за то,
что мы не разминулись веком.

Вроде бы и по-русски писано, есть тут обилие и Ш и Ч и Щ, но не туг и не труден слог, нет негладкости интонаций и стиха, вся мысль выражена не самой массой стиха, а скорее омандельштамленной итальянщиной. Но не хочу наскучить всеми своими придирками, позволю лучше быть себе чтецом:

2. Гуляя в утреннем пейзаже...

Сего поэта пройдем мимо пока. Вот его содер-

жание: он был во всем лирик (а не прежде всего изобретатель), пьесы ему давались лучше и есть просто прекрасные, и есть удивительная проза.

3. На улице пыльное лето.
В душе поселилось ничто.
Горящая мчится карета.
Японец. Безумец. Кокто.
Помоек отчаянный запах.
Младенцев разнузданный визг.
У девочки в розовых лапах
покоится «Оливер Твист».

Кстати о Кокто; я никогда не изменяю его правилу, завещанному всем баки и паки: даже когда хулишь, занимайся только первоклассными вещами (см. Кокто Ж. Петух и Арлекин). Стихи Бориса Ванталова в книге «Болотное серебро» мастерски сделаны, полны души, мысли, но – всего этого поэзии ненужно, ей подавай формулу, где смысл (а не мысль) вкован в форму. От акмеизма этого стиха – полшага всего за поэзию ума.

4. Где лысенков рациру точит
На саблезубого Макара
Однако тот ему не пара
И породниться не захочет
5. Страх перед борщом
Ужас перед борщом
Жуть одним словом
Жрать одним словом

Эти стихи написаны другим поэтом, автор их – А.Ник. Во Храме его «первой. книги. стихов» есть стражи истины и прямоэзии:

6. Двое пляшут на канате
Ну и что?
Двое пляшут на канате
Почему?
Двое пляшут на канате
А потом?
Двое пляшут на канате
Вот и всё!
7. Я глух и нем
Когда я ем

Немой как рыба
Я глух и нем
Когда я рыбу
Ем
8 Гром с молнией
Гроб с музыкой.

«Пляс на канате» есть прекрасное усвоение той французистой селедочности (см. Шарля Кро) которая родила русский футуризм 10-х годов и которая способна еще рожать русские поэтизмы нашего времени. Немость поэта заплата, почти сведена в формулу, ей осталось только занеметь – самодовлеть. И Ванталов и А.Ник суть большие мастера прозы, но о прозе речь пойдёт в другом путешествии, тут лишь позволю себе переиначить некоторые отрывки из прозы Олега Офенского:

9. ... Через глаза
(в зрачки и из затылка)
проходили мягкие рельсы, и
как две брачующиеся кобры
змеились в танце
танцеозмеённо...
Первозданилась Перлоданность.

В мире ленинградской прозы мало авторов талантливых собственно литературно, чтоб не только мысленно;

оратория тартаротрат...

10. ... купава славы
тенью своей на дороге
тонировала тенор
Лидии Алексеевны...

Нет злых следствий того представления о прозе, будто она противоположна поэзии.

11. ... Нет, это был не молодой козодой,
с бородой, без – лихо – ус-за-круче-
– Куда смотришь, – с тем лучше, –

- Стиль-но пид-
жакжал, мал
на бал – беса,
много слов и толку,
красавец и рыцарь
для тёлки.
12. роз-ба-ба-лов-ни-цы-
чьи- пле-чи-ле-чь-
боль-ю-лав-ку-
да-уда-лой-опа-ло-лом-в-ку-
впус-кай-ясь---
Чем грех?

Я не внимаю хладнокровно, когда проза легко выдерживает переложение стихом, не отравляя чтение весельем по поводу авторского безслуха. Этот автор грядёт, прорицая поэзию прозрачной прозы.

13. висели рядом рыба и карниз
лицо светилось смехом исчезая
красавица росой шептала
и упала надпись невесомо
свеча зевала
пойманная дверью
трава шагала под окном
и печень по руке скользила
дуб ждал замок стеклянного дитяти
звезда шумела под коров глазами
и ряд одежд вслух надписи читал
14. Европа! Я ль в твоём окне –
Полузакрит, полупрозрачен?..
Иль – может ничего не значит
сгорать на медленном огне?
Увы, увы! Внутри, – вовне, –
я ничего не понимаю, –
кладу к твоим ногам, снимая,
одежды, бывшие на мне.
Я гол. – Ужель я не король?
Ужель я снова обозначен?
15. ...волнуется мудрое темя
качается потное вымя
иное нагрнуло время

иное написано имя

сужаются наши просторы
и ширятся наши Гольфштремы
и нового века уборы
украсили наш Кара-Кум

Эти три стиха беру я из книги Владимира Эрля «Трава, трава»; он классичен, пожалуй, даже чересчур; чурается языка, слова его стихов стеклянны хотя, да не прозрачны. №14 есмь «Похищение Европы», поэтическое переведено в мыслическое... Желал бы я, чтоб все поэты не были пленники собственных стихов своих и способны были бы к новым открытиям поэтическим... №15 есть стих писанный вместе с В. Немтиновым; стихи эти и вообще более характерны для 60-х годов, когда и сочиняемы были. Но и нынешние дела в поэзии немногим отличны от сих, ежели судить по альманаху «Часы», который довольно-таки однообразное развитие есть символистов то ли, акмеистов ли. Владимир Эрль способен не только на мастерство холодное и отвлеченное;

16. Авторитет, русалка. И это, и это.

Так начинается книга его однострочков «Алфавит» воспринимающаяся одной, исполненной и чувства, поэмой:

*

Видимость.

*

Влекут чечевичные хляби

*

Вода. Вода постоянно прекрасна.

*

Заброшенный сад, свалка.

*

Звуки, любовь

*

звучит фагот

Я знаю несколько произведений 60-х годов, которые столь же властно продиктованы формой

самого алфавита русского, но далеко отстоят они от фонтана алфавитного, которые собрызган «Янко» Зданевича. Се напоминая полезно каждому автору дня сего, чтобы было за чем поворачивать старые проблемы совсем новыми гранями во все концы...

25.

Здесь не место говорить о Бахтерева подробно и долго, но и обойти напрочь оберюта, осуществляющего сегодняшними стихами неразрывность традиции, вовсе нельзя:

Я спросила сколько время?

Он ответил – Белый стол.

49.

Этим стихотворением уместно закончить сию повесть о состоянии дел поэтических в нынешнем Ленинграде.

50.

Трудно прорицать о будущем жребии поэзии, нет еще того размаха, чтоб расхлопнулась вольности дверь. Но поэтическое возревет в оковах разума и, направляемое надеждой свободы и неистребимой внутренней необходимостью, б.м., приведет еще в трепет незыблемые основы за кои цепляются стихослагатели, увы.

14. СТЫН.

– Как бы был во городе во Париже, коли там жил бы да был бы Михнов пентрязь... –

Искусно-старинный его напев, тщательностью изречения сопровождаемый, пронизывает души его зрителей, кои всеж еще предпочитают внемлять кудрявому напеву Поллока, Матье, или Тоби. Никто из предстоящих его картинам не остался без зыбления во внутрь глубокого, ибо когдес певец стынский он есть, то и повествование свое ведет он прерывистым голосом потека, концентрируясь в коконах ночи, пестря ланиты картин

15. ПЕШКА.

Живопись принудила меня поглазеть и на картины Юрия Ивановича Дышленко. Хозяин показал мне состав своего credo. Оно состояло их трёх четвертей мякины профессионализма и одной части несеейной души. Я обозрел в первый раз внимательно все картины художественной мастерской. Придавить пытался сердце ко этому, да оно скользило. Четыре стены, все покрытые картинами: увеличенные и растекшиеся американские журнальные обложки; плакаты, распыленные в акриловые абстракции; комикс, мастеровито отвлеченный от убийств и грабежей, наполненный цветной сутью. Живопись не топором срубленная, а тщательно вылизанная, американизирующая и гангренизирующая от непервозданности бысть. Попытка переосмыслить массовую культуру, как сделано оно в поп-арте. Джеймс Розенквист, но только абстрактный. Злоупотребления мастерством, которое так презирал еще Малевич. Жестокосердый художник, посмотри на людей зрителей тебе подвластных. Они вовсе не наги. Да и зачем им обнажение души, коль и твои картины есть та же униджинсоформа, что обезличивает прямостоящих копыта. Даже смелые «документации» твои (гораздо более удачная попытка соединить две разных живописи, чем у Стерлигова) есть всё равно всего лишь фирменное клеймо на тех же джинсах или переводная картинка на задку этюдника.

16. ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Видел я также изрядный опыт самовластия художественного. Пропластованы тут брызги. Но вместо радостного осмысления потеков и мерцающих пятен, мраморизация листа бумаги, а не смысла. Причуды материала, а не мысли творца. Художник и живопись ненавидят друг друга, им скучно вместе; власть живописи над художником для Леона Богданова – казнь. Нет союза божественного! Но художник он не ради получения

мзды, непрофессионален (слава те Господи: беда не в приглушенном цвете его холстов или в негрунтованности их, а в приглушенном смысле, холсте не грустованном). – О! Горестная участь многих! формой удивить нельзя, бесформенностью тож. Конец сему один: чтобы голова над многим чем испытывала свои силы.

17. СЛОВО О ГНЕДОВЕ

(Глава сия, написана бых в стиле вовсе инаком и помещена будет в одном из других журналов).

Но, любезные чтецы, я с вами замудрился... Вот уж будьте святы... Путешествие моё вам, быть может, кол в глазу, но возврату нет пути...

Москва, Москва!!!!
берегись!

ПО ПОВОДУ ПРОЗЫ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА

Я в своём провинциально-принципиальном невежестве никогда ранее не читала Вагинова. Прочтя же, поняла, что им соединилась «прерванная связь времён», и то, чего так не хватало мне в понимании развития лит-ры, что казалось оборванным глубокой ямой – теперь заполнилось.

«Труды и дни Свистонова» – великолепная повесть, сильно напоминающая картины Питера Брейгеля и философией, и композицией, и резкостью черт. Есть, правда, смягчающие русские размывы, напоминающие уже другого Брейгеля – Бархатного, какое-то внутреннее изящество, пахнущее Европой.

Гонкуровская «узнаваемость» его персонажей меня волнует в самой малой степени, хотя это, наверное, и было злободневно при написании

Композиционное мастерство выше всяких похвал, поэтично, а провозглашаемые принципы литер. работы (обработка чужой лит-ры, цитирование,

параллельные тексты) — не хуже любых других. Принцип хорош тогда, когда есть голова, способная его исчерпать полностью. Иначе последователи растащат идею по мелким кусочкам, испортив её до неузнаваемости, ибо не возьмут, как всегда — самое главное — обоснование идеи.

Я попробую продолжить эту статью тогда, когда прочту основную вещь Вагинова — «Козлиную песнь».

Анна Таршис. 1979

СТАТЬЯ ОБ ОЛЕГЕ ОФЕНСКОМ

Хочу представить публике (пусть минимальной) писателя, в чью способность писать прекрасно глубоко верю, и, с которым лично пока, к сожалению, не знакома. Это писатель сильного, пружинного слова, длинной, средневековой лентой извивающейся фразы. Писатель вполне сюжетный и того самого приятного для меня типа мыслителей, которые с одинаковой свободой пользуются и реальным земным шаром и абстрактной оболочкой отношений. Его фонетика полна беспечального отчаяния, его о-ю-а – полны ветра.

Отчаяние всегда рядом. Зачем же класть его ещё и в собственную душу? Офенский – единственный из авторов прочитанного ленинградского сборника, который произвёл впечатление оптимиста. Очевидно, это человек, сознающий собственную силу. («В стольном престоле знаний более боли, болит столько мест, окрест»^{*}). Это человек, распоряжающийся болью по своему

^{*} «песня над озером»

усмотрению.

«...Он говорил слышно: ненавижу фотографов и поэтов. Первых за то, что они с топорами гоняются за секундами, вторых за эстрадную экзальтацию. Другое дело – лётчик-испытатель, наездник облаков и профессиональный агнец!
----»

(«Лысое небо»)

«...А пока, закусив удилами с солёным льдом, взнузданные тени закрыли глаза В»

(«Лысое небо»)

Ко всему прочему, это писатель, во многих своих исканиях идущий по тому же пути, по которому бреду и я. («Бреду, закидывая бредень с бредом»).

Под конец – ещё одна цитата из Офенского: «... Путник, как червь во флейте, задремал у порога Антимира. Первозданнилась Перлоданность».

В такой прозе есть свои минусы, она, например, подобно музыке, требует безукоризненности и, в сущности своей, абстрактна, фонетична. Пытаясь соединить её мелодическую воющую основу не с кургуазно-абстрактным же сюжетом, как в моих романах, а с вполне социальным, журнальным даже сюжетом, Офенский в «Песне над озером» уравнивает тяжесть содержания несколько прикле-

енными чисто фонетическими вставками, призванными дать читателю отдохнуть от сюжета (однако с его петлёй на шее).

Сюжет в «Лысом небе» – более органичен, особенно прекрасен абсолютно логичный абсурд его диалогов.

Эта проза кажется мне настолько непретенциозной, а автор взвалившим на себя задачу настолько серьёзную, что хочется пожелать ему всего лишь продолжения.

Продолжения исключительно правильной работы со словом, фразой и особенно общей композицией вещи (тут пока не хватает дыхания).

Справедливости ради хочу отметить, что мне не совсем нравятся названия и кажутся смешными посвящение в обеих прочитанных вещах. Впрочем, вещи эти датированы давно ушедшими годами, очень хотелось бы узнать, в каком направлении развивается писатель этот, что пришло ему в голову за последние годы.

Анна Таршис, 1979

Из книги «ИДОЛ»

Глава 15 ОРКЕСТР

Пианисты все таковы

Столь нервные от предварительного волнения оркестры так часто перехлёстывают через край, играя, что часто тянет от них дымком, как будто жарится в оркестре дичь, а голоса солистов вдруг становятся подобны гулу пушек. А оловянные слова солистов вдруг ударяют дирижёра, словно камни, и падает дирижёр в оркестр, как Бог поверженный на землю падает.

И музыка несётся осатанело на людей, как дождь, и виолончель угрюмая, как угрызений совести напоминание, выводит фразу в глубине оркестра. Публика, похожая на суп или вздыхающую большую

рыбу, занимает жидкой физкультурой свой мозг, засыпанный видением смычков, и доисторических животных ум в ней просыпается и клоочет.

А композитор-мемуарист хохочет, сидя в гробу и дирижируя червей оркестром.

Анна Таршиц
1969 г.